

С художника спросится

ЗАМЕТКИ КИНОРЕЖИССЕРА

Однажды в Парижской киношколе, где учатся дети состоятельных родителей, автора не без иронии спросили: «Вы постройте коммунизм, и все будет прекрасно?» Он ответил: «Экономические проблемы, безусловно, найдут свое решение, люди будут отдавать обществу по способностям, а получать по потребностям. Но человеческие, личностные проблемы останутся — проблемы достижения внутренней гармонии, поиска своего призвания и жизненной цели, проблемы самовыражения и самоутверждения, проблемы любви и ревности, красоты и уродства. Они должны остаться, ибо человек неостановим в своем духовном движении. А значит, вечно пребудет и искусство...»

Это были не маниловские мечтания о далеком и несбыточном. Ведь если пристально взглянуть, то в наших нелегких проблемах развития мы уже и сегодня видим ростки грядущего. Признаться, я был польщен, когда один египетский журналист сказал, что Океев показывает розовый социализм. Сказано-то это было по поводу «Красного яблока» — фильма, обращенного к самым сложным, неоднозначным, порой противоречивым вопросам современной жизни.

Бывая за рубежом, приходится выдерживать напряженные дискуссии, резкие идейные столкновения. И делать это тем легче, чем лучше фильмы, созданные нами. Люди, которые, казалось бы, не приемлют социалистическую идею, тем не менее аплодировали нашим кинокартинам, рожденным этой идеей. И поражаешься, что такой небольшой по численности народ, как киргизы, который еще совсем недавно, в обозримом историческом прошлом не имел даже своей письменности, сегодня владеет национальной кинематографией, увенчанной не только всевозможными, но и международными наградами и призами.

Недавно киргизскому кинематографу исполнилось сорок лет, а сорокалетие, как известно, возраст мужественной зрелости, возраст полной и ясно сознаваемой ответственности за сделанное. И качество нашего современного кино должно точно отвечать этому критерию.

Народ и партия ждут от нас полнокровных, интересных произведений, отражающих правду нашей жизни. Как отмечалось на XXVI съезде КПСС, человеческие отношения на производстве и в быту, сложный внутренний мир личности, ее место на нашей неспокойной планете — все это неисчерпаемая область художественных поисков.

Но богатство внутреннего мира нашего современника далеко не всегда выходит на поверхность самородной жилой, оно чаще всего зреет в глубинных пластах жизни, ожидая нашей художнической разработки. Спутниками художника в этом поиске должны быть его совесть и искренность, его гражданская смелость. Не случайно лучшие картины мастеров советского кинематографа всегда остры и драматичны, порой даже трагичны, но тем не менее в своей основе светлы и полны оптимизма.

Боязнь же социальной остроты, иллюстративность, как правило, порождают лишь фильмы-однодневки, которые не затрагивают ни умов, ни сердец людей. Тут не спасает «игра» на актуальности и злободневности темы. Мы обязаны показывать наше время во всей его симфонической сложности и глубине, ни в коем случае не ограничиваясь полуправдой. Да, сказать всю правду порой нелегко, но делать это надо, иначе зритель все равно обнаружит фальшь и отвернет-

ся от экрана, почувствует несостоятельность, поверхностность или откровенную трусость художника.

Вспоминаю, как недавно по Центральному телевидению показывали наш фильм «Поклонись огню», снятый около десяти лет назад. Я был горд и счастлив тем, что довелось общаться с миллионами и миллионами зрителей, с горечью думал о том, что ушли из жизни за это время замечательные артисты, исполнившие главные роли, — Муратбек Рыскулов, Таттыбюбү Турсунбаева. Но в память им фильм живет, не устарел. А ведь как нелегко находил он путь к экрану. Лента посвящена первой женщине-коммунистке на юге Киргизии, первому председателю колхоза — женщине Уркуе Салиевой, погибшей от рук байских прихвостней и религиозных фанатиков.

Был в картине эпизод о том, как беременная Уркуя по наговору врагов попадает в тюрьму. Кое-кто сомневался в необходимости этого эпизода. Говорили, что из-за него воздействие фильма на зрителя будет отрицательным. Но ведь в жизни-то такое было! То время было сложно и противоречиво, и мы были бы плохими потомками героической Уркуи и ее соратников по революционному преобразованию жизни, если бы сгладили в фильме эти противоречия, не показали их во всей глубине. К сожалению, эпизод этот в картине не получился до конца, а ведь он только прославлял мужество и героизм замечательной советской патриотки и клеймил коварство ее врагов.

Идти привычными путями, конечно, много легче. Сколько мы видели фильмов, режиссеры которых шли натоптанной тропой, а в результате на экране появлялись бледные подделки под жизнь, а не яркие открытия истинных художников.

Мне думается, у каждого кинофильма должна быть и есть своя «вторая серия» — его послеэкранная жизнь. Это время, когда начинается живое взаимодействие реальной действительности и творчества. Помню, после фильма «Улан» ко мне приходили буквально кипы писем от зрителей всей страны. Тема картины взята людей за живое, да она и не могла не задеть, ибо речь в ней шла об одной из самых болезненных проблем — алкоголизме. Нам непросто было решиться на съемки такой картины. Да и по ходу работы

пришлось выслушать немало упреков в том, что я увлекся отражением негативных явлений. Но не снять ленту было нельзя. После того, как я получил такую почту от зрительской аудитории, стало ясно, что, не будь поставлен «Улан», по этим письмам его можно было бы снимать заново.

Тема человеческой души, глубокого падения, когда хороший в основе своей человек безвольно катится по наклонной, опускается, достигает бездны, — тема эта злободневна и сегодня. Сколько человеческих душ искалечило пьянство, скольким людям изломало судьбы...

Фильм получился очень тяжелый, но другим он быть и не мог. Мы хотели одного: чтобы человек, уходящий из кинозала, уносил в сердце лютую ненависть к этому злу, чтобы заглянул в душу свою, чтобы остановился, пока есть для этого силы. И понял: возрождение возможно...

С удовлетворением отмечу: судьба документальных и художественных лент, которые принесли успех киргизской киношколе начиная с 60-х годов, таких, как «Зной» Л. Шепитико, «Чабан», «Манасчи», «Выстрел на перевале Караш» Б. Шамшиева, острых проблемных фильмов других киргизских кинематографистов, решалась методом свободных дискуссий и заинтересованных споров в пользу искусства.

Работа в кинематографе — работа не для слабых. Препоны, возникающие порой на пути фильма к экрану, особенно опасны для молодого талантливого художника, который стремится искренне исповедаться перед зрителем, высказать заветное. Есть опасность того, что он уступит раз, другой и превратится в поденщика, готового на потребу минуты лепить скороспелые подделки.

Умение найти, выносить свою тему, свою песню и доказать ее право на жизнь, на художественное воплощение — важная черта характера кинематографиста. Но хотелось бы, чтобы и молодое поколение кинематографистов, следующее за нами, имело свою сокровенную песню, которую и спеть, заставить всех услышать ее может только оно.

Еще Пушкин говорил о том, что только дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего. Не случайно Чингиз Айтматов в своих тво-

рениях постоянно возвращается к народным легендам и мифам. Они — своего рода духовное завещание потомкам. У киргизов не было письменности, ислам запрещал живопись и театр. Но талант народный все равно сумел проявиться — в песнях акынов, в мелодиях комузистов, в легендарном эпосе «Манас». Даже в орнаментах национальных ковров-ширдаков, тушкыйизов, ала-кийизов находила выражение культура народа. Прикладное искусство воспевало вековую мечту женщины, которая особенно страдала от социального и религиозного гнета, давало выход ее беспредельной тяге к любви, свободе, красоте.

Задача наша — бережно, точно расшифровать все, что столетиями создавалось безвестными творцами, как проявление народного гения. Мало того, поделить со всем миром этим бесценным достоянием. Все самое ценное в эпосе, песнях, музыке, в прикладном искусстве должно обогащать кладовую мировой культуры. Я сам не раз был очевидцем того, с каким восторгом встречали наши выставки, концерты, лучшие фильмы зарубежные посетители, слушатели, зрители.

Эпос «Коджоджаш», над которым мы сейчас работаем с драматургом М. Байджиевым, не просто красивая сказка. В нем ясно просматривается завещание предков беречь и любить природу, с которой мы — единое целое. Сегодня, когда так остро стоит вопрос, быть или не быть человеку, когда воздух насыщен пороховым дымом, мы не только с политических трибун должны отстаивать существование человечества на планете, но и художественным языком будить в людях совесть, звать их к борьбе за мир, за уважительное и бережное отношение к матери-природе, природе-кормилице. Свой будущий фильм-эпос «Коджоджаш» мы и рассматриваем как посильный вклад в это благородное и святое дело, как мост из прошлого в настоящее и грядущее.

Кто-то из классиков сказал, что жизнь оказалась бы истинному художнику пресной, если бы его идеи всегда воспринимались с дружным одобрением, как само собой разумеющееся явление. Ушел бы элемент борьбы и дерзания. А борьба — она всегда залог прогресса и в жизни, и в искусстве. Поэтому, как ни сложна жизнь кинорежиссера, без схваток и побед ее никак себе не представляешь.

Мы живем в замечательное время, хотя и полное драматизма. Но мы верим в силы нашей великой Родины, в мудрость партии. А следовательно, мы должны дерзать. Ведь как прекрасно сказал большой мастер: с художника спросится.

Толумуе ОКЕЕВ.

Народный артист

Киргизской ССР.

г. Фрунзе.